

971005 K

Владимир
Нечволода

Наследство

R2
H59

Первая книга в столице

nos

190

p2
H 59

Владимир
НЕЧВОЛОДА

НАСЛЕДСТВО

Стихи

E 971005 K

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

«Современник»
Москва
1980

P2
И59

Нечволода В. А.

И59 **Наследство: Стихи/Предисл. В. Цыбина. — М.: Современник, 1980. — 79 с. — (Первая книга в столице).**

Образ сурового, величественного края Сибири, наполненный громом строек; стихи о природе, о любви, о Родине — лучшее, вошедшее в сборник молодого поэта.

Главный герой произведений Владимира Нечволоды — наш современник.

Н $\frac{70402 - 225}{M106 (03) - 80}$ 203 — 80 4702010200 ББК84.Р7
P2

Владимир Нечволода постоянно обращается в своих стихах как бы за лирическим «подкреплением» к прошлому — ему важно установить связи каждого факта жизни с его причинами:

Деды были небогаты.
Только в том ли их вина,
Что тряпья не накопили?
По наивности святой
Все наследство уместили
В песню,
В терем,
В Шар Земной!

Он стремится установить родословную своих переживаний, родословную красоты, просто и ненавязчиво, но эта красота обыкновенная, даже житейская. И главное, у поэта есть жажда этой красоты.

Молодой поэт обращается к своим воспоминаниям, если можно так сказать, за приметам своих переживаний. Вот почему так обостренно звучит в его стихах тема родного края:

Дух щемящий встает у таежной тропы.
Тихо маминым погребом пахнут грибы.

Так чувствовать можно только искренне. Все это придает лирическим подробностям подлинность.

Так приметы пережитого сливаются с приметам родной земли, родных людей, родной деревни.

Он умеет увидеть в малом большое, частичка для него не просто частичка, а неотъемлемая часть целого, вот почему он пишет: «А в каждой капле к ели, к соснам, к полям, затерянным во мгле, несется маленькое солнце, чтоб все созрело на земле».

Такая тяга к образным подробностям и определяет звучание его стиха, определяет его интонационный рисунок, не потому ли стих его то распевен, то весь в стихии скороговорки: «Оттого, что радугу выдуло над мелями, оттого, что на лугу кони эти белые».

Владимир Цыбин

* * *

Я родился на этой серьезной земле,
Где верхушками кедров распаханно небо,
Где у тракторных станций в разливах полей
Породнились запахи нефти и хлеба.

Буду трудно я жить.
Мне друзей привечать,
Почитать буровые,

цветы и деревья...

«Журавель» будет нефть из колодца качать
И кивать головой,
как у бабки в деревне.

* * *

В размашистых кедрах,
в болотах,

В широких рабочих полях,
Пропахшая нефтью и потом,

Не будет нам пухом земля.

Живые и реки,

и доли,

Как звери и птицы вокруг.

Земля,

моя древняя доля,

Суровый и ласковый друг.

Я знал с изумленного детства,

Судьбу отбирая по дням:

Дана ее дружба в наследство,

Я детям ее передам.

...На берег Конды или Ваха

Взойду под кедровую ветвь.

И сердце взволнованно ахнет.

Но это, конечно, не смерть!

Увижу я:

даль неоглядна.

И станет в груди горячо.

И буду я падать

и падать,

И чувствовать друга плечо.

* * *

Мы плывем,
А с двух сторон
Крутояр плывет и чаша.
Солнце —
Рыжий плотогон,
Туч плоты по небу тащит.
А вдоль борта чинно, в ряд
На заслуженном привале
Швабры мокрые стоят,
Ведра рты поразевали.
Эй, на вахте!
Ну-ка, глянь,
Как на палубе рабочей?
Из кармана капитан
Хитро выронил платочек.
Будет он опять доволен:
Неспроста у нас сейчас
Спины вызвездило солью,
Искры солнца на плечах!

На рыбалке

Вечер.

Елочки-смугляны.

Скрип уключин.

Весел шлёп.

Галактическим туманом
Окружает лодку Обь.
У Терешкина забота —
Вызвать верную звезду.
У Терешкина работа —
Невод править на ходу,
Чтоб на трассы сторожевые
Поперек смурной реки
Залегли сторожевые
Обливные поплавки.
Вот взглянул рыбак в простор,
Вот он глушит свой мотор.
Сети

скользкие,

как ветры!

В них, сверкучи и остры,
Крутобокие ракеты —
Наливные осетры.
И от синего залива
До наваристой ухи
Млечный Путь пролег из рыбьей
Шелестящей шелухи.

Ночь.

Горит речная гладь.
До звезды рукой подать.

Конда

Как на Конде,
на Конде
Ходят слухи по воде.
Там на взгорках лысоватых,
Пробрусниченных,
рябых

Вкруг сошлись молодцевато
Кедры, смольные чубы.
Кедры шишками стучат,
Рассудительно молчат.
Там у пе-

ре-

ка-

тов

длинных,

У заброшенных скитов
Яркогубая рябина,
Леса ягода-любовь.
У рябинушки забот —
Вызвать слухи наперед:
Долго ль будут над Кондою
Буровых стоять посты?
Не грозят тайге ль бедою
Жаркоглазые костры?
Почему у ста берлог
Закружилось сто дорог?..
Целый год по травам млечным
Гул судов плывет в ночи,
Целый год тайга над речкой
Удивленная — молчит.
Ух ты, старая Конда,
Обновленная вода!

Встреча на севере

Балок смолил дремучую маху.
Таежный порт.
Три дня без самолета.
Бродила по тропинкам желтых струн
Гитарной грусти робкая дремота.
За окнами кружил метельный вихрь,
Внося в сердца седое ожиданье.
Встав у окна,
Знакомый с детства стих
Вдруг стал читать учитель-северянин.
Чуть окая,

рукою руку сжав,
Прядь белую рывком со лба сбивая,
Читал про увяданье тихих трав
И про багрец и золото дубрав...
Потом читал другое,
вспоминая...

И кто-то повторял:
«Некрасов,
Фет...»

А кто-то горько выдохнул при этом:
«Писали как!
Талантов нынче нет.
Есенин
был последним из поэтов...»

Векипел старик.
Тряся культей руки:
— Молчи, — сказал он

и вдруг понял: —

Ладно!

Обвел нас, как детей, веселым взглядом,
И вот ворвались всполохом стихи
С твардовской далью пройденных дорог
И августовским солнышком Ручьева...
Нам душу обожгло сильней тревог
Прозреньем обесмертенное слово.
Все слушали,
Хоть он и не просил.
Мне навсегда слова его запамя:
«Поэты умирали на Руси,
Но никогда они
не вымирали!»

Последний рейс

Мглистые берега.
Обью идет
 шуга.
Крошево льда и волн.
Скошенный бакен
 черн,
Словно птенец
 в беде
Мечется на воде.
Лета последний
 знак —
Светел вдали
 маяк.
Где-то гогочет
 гусь.
И холодочком —
 грусть.
Видно, дано
 судьбой
Издавна слышать
 боль
Древней тоски лугов,
Дерева в день
 снегов,
Птицы —
В осенний лёт...
Берег
 назад
 плывет.

971005

Тепло

Нарублю к зиме я дров
впрок.
На по́па́ встает чурбак
так.
Топорище запоет
взлет,
Только щепок пересверк
вверх!
У березы, что ни сук,
звук,
Как капустный перехруст,
густ,
А у кедра из-за щек
щелк...
Сердце весело ведет
счет,
Разливает, как пожар,
жар,
Чтоб румянец стал багров
дров,
Чтоб зимой узнала речь
печь...
И дышал моим теплом
дом.

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

* * *

Прохладна осень нынче.
Угрюмы небеса.
За журавлиным кличем
Следят,
Идут леса.
Бредут во мгле озерной
И падают вдоль трав
Тропинки,
Словно корни,
На ксмли намотав.
Под журавлиным кликом
Туманится роса.
Роняет земляника
Ослепшие глаза,
И каменные руки
Вздывают города...
Молчание разлуки
Щемяще,
Как беда.
Грузнеет тучей небо,
Плеск молний по ночам.
Леса застыли немо,
А кажется —
Кричат.

* * *

Вы бураном запугивать бросьте!
Только-только прохрупал ледок,
Белый зверь к нам повадился в гости,
Мягкой лапою бил о порог,
В окна звездные очи таращил,
Без разбега на крышу взлетал,
И кружился,

и прыгал по чаще,
Шелестел, завывал, гоготал.
Было весело зверю у сосен
Припадал к узловатым корням,
Шерсть

легкую стылую проседь
Оставлять по обрывам и пням.
А под утро зевнул как-то хмуро
И устало на землю прилег.
Вышел я —
Шевелилась у ног
Богатырская белая шкура.

Волк

Щетинился загривок.

Все же

В сосульках кровяных рябых,
Ушами прядая тревожно,
Волк выполз под окно избы.
Он, выкормыш сибирской лайки,
Знал всю усадьбу хорошо.
Отсюда он к матерой стае,
Прирезав мачеху, ушел.
...Собаки тьякнули и смолкли,
Не распускаясь лаем зря,
И, со стены сорвав двустволку,
Хозяин бросился к дверям.
Пока искал патрон в карманах,
Приметил шрам —

наискосок,

Увидел спекшиеся раны
И придержал тугой курок.
Он заварил коренья, травы
И,

под рукою нож держа,
Перевязал умело рапы.
Зверь скалил зубы

и дрожал.

Потом курил хозяин в хате,
Гнал прочь раздумий маету:
Ну, чем еще ему заплатят
За человечесью доброту?

Письма из тайги

1

Нас охотник обидой нытал у костра.
Боль была его злою тревогой остра.
Говорил он о прошлом достатке лесов.
Свет блуждал по лицу,
Словно блики веков,
И тонула в холодной печали зрачка
По непуганой рыбе и зверю тоска.
Он машины винил.
Он забыл рассказать,
Как увез самолет заболевшую мать.
А в горячке металась селенья вокруг.
От болезни спасая их, умер мой друг.
Как пришли на машинах ребята потом,
Подарили ему с электричеством дом.
Его дети постигли величие книг.
Но молчал он об этом,
Упрямый старик.

2

Случаются такие вечера,
Когда, усевшись на привале кругом,
Буровики притихнут у костра,
Стесняясь взглядом встретиться друг с другом.
В минуты эти их не потревожь.
Как птичьи косяки в осеннем дыме,
В летящих перьях медленных порош
Любимых голоса плывут над ними.
И скрытой грусти полон каждый жест
И тихое задумчивое слово.

Нет ничего значительней окрест
Усталого молчания мужского.
А где-то, за глухим кольцом болот,
Любимым снова снятся наши лица.
Мы, возвратившись к милым,
каждый год
На Север улетаем,
словно птицы.
И оттого при встрече жены вновь
На нас глядят с тревогой не напрасной...
А что такое вечная любовь,
Как не боязнь разлуки ежечасной?

3

Понимаешь,
Снова хмур, как идол,
Дед нагрянул вечером одним.
Закурил.
И крыльями седыми
Нас обвинил густой табачный дым.
Говорю:
— Опять ты будешь вздорно
Все ругать в глаза и за глаза?
А ведь сам тропинки к Самотлору
Прошлый год на карте указал!.. —
Начал дед шаманить, подвывая,
Да умолк
и насмешил народ.
Он уже легенды забывает!
Имена богов не назовет!
Пусть сидел он в малице старинной,
У костра следил я, не дыша,
Как рвалась из душных шкур звериных
К позывным приемника душа.

Такой мороз, что вздох пристыл к губам.

Ждешь:

Лунный свет под шагом звякнет длинно,

И будешь воздух есть, как строганину, —

Он ломтиками зябнет на зубах.

От холода в мурашках Млечный Путь.

Дунь ветер — он осядет снежной пылью.

И птицы прячут головы под крылья,

А утром шей не смогут разогнуть.

Похрустывает воздух от шагов.

И потепленья древним ожиданьем

Пульсирует полярное сиянье —

Цветные думы умерших веков.

Микёля

Там,
где нартовый след к диким звездам примерз,
Я не раз был исхлестан январскою вьюгой.
Обмороженный,
Выживший в знойный мороз,
Все равно приезжаю на север я к другу.
Обхожу коренастый улыбчивый дом.
Отвори-ка, Микёля, радушные двери!
В угол ставь чемоданы.
Мы в юрту пойдем,
Что поныне жива на задворках деревни.
Разве дома легенды споешь хорошо?
В юрте идолы бредят тоской подношений.
В их раскосых глазах страх веков отражен,
Звезды гаснут на их деревянных коленях.
Только здесь,
Задыхаясь от горестных слов,
Ощущаю печаль я хантыйских преданий.
В терпких запахах шкур
Дремлют думы лесов,
Бормотание бубна и веще,
и тайно.
Пляшут пальцы по коже.
Как корни берез,
узловаты они,
В бурых жилах и шрамах.
Стук подстреленной белки о землю в мороз,
Поскрип нарт,
скрежет лезвия
В пальцах
Как память.

Голод,

сырая доля охотника в них...

Ходит в юрте легенда на заячьих лапах.

Не горюй о прошедшем, угрюмый старик,

Не пристало над мертвыми песнями плакать.

Пусть на бубне остынет горячий рассвет.

Дома дети волнуются:

долго нас нет.

Обреченные идола смотрят нам вслед.

Монолог последнего шамана

В вашем городе нет весны.
Даже птицы здесь не поют.
Словно коршуны, кружат сны,
Опускаясь на грудь мою.

Душно.

Койка,

два стула,

стол...

Душно.

Чей-то портрет в упор...

Полосатым зверюгой пол

Улепetyвает в коридор.

Счетчик. Лампочка. Звон... Темно.

Стекла выплеснет в ночь гроза.

Я с кровати нырну в окно

И волчонком уйду в леса.

Выть,

кататься в траве,

линять,

Слышать мир острием ноздрей,

Чье-то горло в прыжке достать,

Чей-то робкий взгляд сделать злей...

Встретить шорох погони в лоб...

Обессиленный ветер пить...

Видеть ночью рождение троп...

Звезды

взглядом одним гасить...

И от крика до дрожи век

Жадно чувствовать в тишине,

Как ломается зверь во мне

И рождается Человек.

* * *

Есть на Казыме странные места:
Приносят ханты дар Священным Соснам,
Дар Богу Леса,

дар Земле и Солнцу.

Добычей щедро платят им леса.

Поньше в их сознание неделимо —
Тайга и люди.

Все легко ранимо.

Что спор о современности,

пока

Живут неразделенными века?

Орет магнитофон в хантыйском чуме.

К воде приник кочевник-краснотал.

А спутник над становьями Кучума

Вчера перед закатом пролетал.

Яблоки

Девочка не видывала яблок —
Маленькая манси из тайги.
На ее щеках морозно зябли
Алого волнения круги.
Девочка протягивала руку.
Лет ей восемь было или семь...
А торговец взглядом вел по кругу
И не замечал ее совсем.
А торговец голосом гортанным
Славил фрукты, на язык остер.
Не в обиду всем иным южанам
Парень был настырен и хитер.
Девочка, он беден, ты уверься,
Если, приезжая каждый год,
Яблоко

округлое, как сердце,
По цене блокадной продает.
Отойдем-ка в сторону с тобою.
Видишь:

за поселком ветер крут.
Слышишь, как заснеженной тайгою
Вездеходы лето к нам везут?
В кузовах рыжеют апельсины,
Зеленеет сочный виноград.
Шлет свои подарки Украина,
Делится здоровьем Ашхабад.

Трасса в ночь уходит.
С боку на бок
Гать качает каждый вездеход.
И не спят водители: их ждет
Девочка, не видевшая яблок.

* * *

Сосны в синеву вырастают плотно.
А вблизи ватажек кедрача
Буровых прострелянные глотки
О работе

 молодо кричат,

О цветах,

 кострами опаленных,

О фонтанах,

 рвущихся в зенит,

О глубинах,

Грузных,

Протомленных,

Множенных на нефть

 и на гранит.

Слушать буровые не устану.

Чувствую ногами возле них,

Как посолонели здесь туманы

От рубах товарищей моих.

Так живем.

И, верно, много значим

Для веселых правнуков.

Скажи,

Разве можно нынче жить

 иначе?

Разве можно правильное жить?!

На пирсе

Приходит он, заслышав зов гудка,
На ящики садится с рыбаками.
Шрам бурый оживает у виска,
Ворочается память под бровями.
Что чудится ему под ветра свист
В словах команд и грохоте машины?
Не то ли, как рыбак и гармонист,
С уловом возвращался он с путины?
Встречать не вышли ни жена, ни мать.
Флаг сельсоветский под ноги бросая,
Заставили «цыганочку» играть
Колчаковцы,

деревню поджигая.

А после привели его на борт
И кверху вскинуть руки приказали.
По пальцам растопыренным —
на спор

Стреляли офицеры
и смеялись.

Он выжил.
Вырвал жизнь он у беды,
Чтоб нелюдимым слыть,
седым и гневным,

И сторожить чужие детсады,
И приходить на пристань ежедневно.
Мне кажется, что жил он здесь
века,

Суровый русич.
Вижу, как неловко
Встает он на прощальный крик гудка
И смотрит до-о-лго.

* * *

Люблю горчащий дым знакомый,
Каким пропитан каждый порт,
Когда уже почти ты дома —
Вот-вот причалит теплоход.
Когда потянет оглянуться,
Не сделав даже ста шагов,
И вдруг захочется вернуться
И вновь уйти от берегов.

* * *

Наследую твою любовь,
Твое стоцветье луговое,
Твое застенчивое поле,
Веснушчатое от хлебов.
Все подорожные ветра.
Зерно мятежное познания.
Твои былины и сказанья
С веселым торжеством добра.
Одной твоей внимаю речи,
Твои обычаи храню.
Добру всегда добром отвечу,
Но зла на зло
 не затаю.

Возвращение

Слегка неуклюж; приземлившийся лайпер.
Вот он затихает, негромко ворча.
И я все заботы о Севере Крайнем
Небрежно,
 как шубу,
 роняю с плеча.
Жарой полуденною враз окружая,
Надвинулся август в меду и цветах.
И замерла,
 ахнула тихо родная,
Припала ко мне —
 смех и слезы в глазах.
Веду ее бережно
 мимо таксистов,
Вдоль всех любопытных знакомых дворов.
И вишнями пахнет,
И дымом смолистым —
Совсем как от зимних сосновых костров.

Оля

Поезд свистнул у перрона
Под веселый перестук.
Поезд выставил вагоны
Против Ольги и подруг.
А подружки за намеки:
— Он один ли там?

Скажи!..

И зачем тебе далекий? —
Парни рядом хороши. —

Побледнела только Оленька
Да бровью повела.
Никому надменно Оленька
Руки не подала.

И следят подруги долго,
Как в вагоне во втором
Замелькало платье Ольги —
Цвет лимона с серебром.

Буду милую встречать,
Чаем с медом угощать.
У меня сегодня счастье —
Дай бог каждому понять!

А друзья смеются:

— Как бы

В дураках ты не был, друг.

Одинаковые бабы.

Выбирай себе вокруг. —

Всех я слушаю внимательно,
Отвечаю я друзьям:
— Никому из вас, приятели,
Руки я не подам!

Подарок

Одарю,
 задарю
Дорогую мою.
Говорю,
 говорю,
О-
 ча-
 ро-
 вы-
 ва-
 ю.

Ни платок,
 ни кольцо
Ей не дороги так —
Молодое словцо
На смешливых устах.
Я —
 из северных стран,
Я промерз до костей,
Я — счастливый шаман
В шубе добрых вестей.
День и ночь напролет
Хохочу,
 бормочу.
Зыбкой ревности лед
Растоплю. Отлучу.
Сплетен волчьих глаза
Уведу от крыльца,
Чтобы милой слеза
Не туманилася.
На заре одари —
Говори, говори...

* * *

Шубы царского меха тебе
не сулю.

Терем красный не выстрою.

Воли — не дам.

И кровинки чужой для тебя не пролью.

Но права ты всегда говорить сыновьям,

Как я строю всю жизнь для тебя терема,

Как стараюсь зверей для тебя приручить.

Двери мудрости

Ты находила сама.

Я же

Только ковал и чеканил

Ключи.

* * *

Погадай мне, кукушка, в разлуке
Про судьбу мою,

счастье мое.

Да надолго ль подарены руки,
Губы,

слабое тело ее?!

Сколько маяться светлою болью?

Это счастье, коль сердце болит...

Слышишь:

имя такое есть —

О л я,

Словно эхо над лесом летит.

Прокукуй мне,

легко и незримо

Синеву приближая к глазам,

Сколько лет быть на свете любимым?

Смертный час угадаю я сам.

* * *

Чем меня укорять вы смогли?

Что живу я легко и нестрого?..

Подо мною в цветах и пыли

Не однажды гуляла дорога.

День и ночь напролет,

снова день...

Мы с любимой о снах не гадали.

И бросалась на руки сирень,

Соловьи у плеча запевали.

Я под солнцем по улочке шел,

На руках нес родную — глазейте!

И родной было так хорошо,

Будто в этом все счастье на свете.

А еще у меня через дом,

Через дом,

через каждый, —

товарищ.

Все мы истину видим в одном —

Дом не крепость,

а сад,

что раздаришь.

Нынче встану опять на заре

И в работу войду молчаливо.

Мне не страшно сейчас умереть,

Потому что умру я счастливым.

* * *

Зачем ты ко мне эту женщину водишь?
Все в ней совершенно,
Все строго по моде.
Все то,
Что порой в одиночестве нужно,
И даже намек на немилого мужа.
Но легкий налет синевы под глазами,
Прозрачность тоски за простыми словами,
Дрожанье холеной руки с папироской —
Тобою они не разгаданы вовсе.
И женщину эту я лаской своею
От давнего горя спасти не сумею.
Протянет в подъезде холодные руки.
И нечего дать ей,
кроме разлуки.

* * *

Алле Кузнецовой

За туманами кони ржут.
На охапке травы лежу.
Угли звездны, уха остра.
Детство греется у костра.
Камышами шуршит волна.
Колобком проплыла луна.
Я за сказкой ночной слежу.
За туманами кони ржут.
Пусть года пролетят.
Не вдруг
Позабуду друзей, подруг,
А такое вот не смогу —
Тени, ржание на лугу.
Если спросят меня:
— Какой
Край родимый, любимый твой? —
Я о Родине так скажу:
За туманами
кони
ржут.

* * *

Что деревня...
А кто из деревни?
А какая тут разница —
кто?

Люди всюду живут,
Как деревья.
Без земли они тоже — ничто.
И в дорогах к лугам и урманам
Ощутимее чувствуешь ты
Почивающий в звонких полянах
Материнский язык красоты.

Бабка

Бабка не рассказывала сказки.
Хлопотами разными полна,
Каждому ступающему часу
Знала дело загодя она.
К ночи заводила квас в бочонке,
Тесто пригревала на печи.
Полночью водой из-за иконки
От болезней нас бралась лечить.
По утрам стояла на крылечке.
Ржал, ее почуяв, белый конь,
Гуси торопились к ней от речки,
И теленок тыкался в ладонь.
Мы ласкаться к бабушке любили,
Понимая, может быть, едва:
Бабушкины руки говорили
О любви нам больше,
Чем слова.

* * *

Из лозы ограда,
У крыльца солома...
Ничего не надо:
Я сегодня дома.
Первый раз в деревне,
А тепло от пламени
Родственности древней —
Ведь деревня мамина.
Во, нашлось дядьев-то —
Белых, черных, рыжих...
У любезных теток
Шуточки бесстыжи.
Слушаю.
Не хаю.
А словечки — ягодки.
Приберу пока их:
Свой карман не в тяготу.
Удивляюсь чуду
Мудрости нечаянной.
Привечают люди,
Будто приручают...

* * *

Мне подкову бы на счастье —
Поздраватый полукруг.
Гикнул,
Замер:
«Кони, здрасте!»
Свистнул,
Глянул:
Сочный луг.
Мимо солнечных деревьев,
Тальникового плетня —
Сквозь сибирскую деревню
На виду веду коня.
Молвят бабки у ворот:
«Экий ладный вышел парень!»
Прибаутку поднесет
Каждая на память.
В дожеланьях бабок древних —
Откровенье для меня..
Мудрено гостить в деревне:
Есть подкова.
Нет коня..

* * *

Родина.
Озерные закаты.
Где мой дед?
Легко ли говорить,
На каком кресте он был распятый,
Под какой звездой был зарыт.
Кто его ловил в лихую осень,
Руки,
Словно луки,
 разгибал,
Рвал рубаху
И крутые гвозди
В родинки ржаные загонял.
Жито-пережито...
Есть причины,
Видя молодые города,
Сельских изб сосновые морщины
Васильковым полднем разгадать
И понять,
Какой дорогой к счастью
Шли деревни,
 свой корежа быт,
И за что дед белыми был распят,
Почему Звезда над ним горит.

Гусляры

Были гусляры
иль не были?

Где их были и небыли?
Может быть, близ Тюмени

Гусли Садко утеряны?
Может быть, под Ишимом

Струны в озерах стынут,
Гусли заносит илом...

Были гусляры,

Были!

Пели они, гуляли,

Гусли свои теряли.

Там, где гусли упали,

Струнами прорастали

Березняки тугие

Сквозь брусниковые росы.

Вот почему в России

Любят березы.

* * *

Вы верите, что

Где бревна
в деревенских колодцах,

дремучие думы хранят,

Уткнувшись в соски родников безголосых,

Столетние ветры

На корточках спят?

Один сизокрылый у бабки Воронихи —

Он был самый древний, наверно, из всех,

Когда раздавался скрип старого ворота,

Он вместе с бадьей поднимался наверх.

Стекая с огрузшею каплею наземь,

Вздыхал,

И, взмахнув отсыревшим крылом,

Кружился, взмывая, над тополями

И в горло мне лился озябшим глотком.

А если вскричать в просветленную воду,

Где ветер припрятал веков письма,

Кругами всплывали былинные годы

И голос Ильи выносило со дна.

А эхо, как песня, над срубом ходило.

И виделся дымный совет стариков,

Рассказывал калика мудрые были,

Певучие гусли брал в руки Садко...

Уеду я завтра

К цветам и березам,

К ржаному томленью горячей стерни...

Открой мне, Россия, глубины колодцев

И силу в меня вековую вдохни!

* * *

Я к тебе приехал, Марфа,
Издалёка-далека.

Подари мне, тетка Марфа,
Три заветные цветка,
Те,

что в тайные настойки
Ты кладешь на ворожбу...
Увезу на новостройки,
Разведу и расскажу.
Чтобы гарь от нефти,
газа,

Пыль и дым от эстакад
Заглушил однажды сразу
Зоревой их аромат.
Чтоб в машинном громе, гуде,
Разглядев мои цветы,
Навсегда прозрели люди
От священной красоты:
Погубить ведь землю можно!
И дивились бы до слез:
Как же так неосторожно
На земле им всем жилось?!

Разъезд

Лес.

Разъезд у насыпи.
Старенький вагон.
Девочка скуластая
Вышла на перрон.
Чакнула бидонами,
Челку сбила с глаз.
Чокает чалдоночка:
— Всем ли, чо ли, квас? —
Глянет быстро искоса.
А ответа нет.
То ли небо близкое,
То ли ситца цвет,
То ли пала наземь
Утра бирюза...

Азия ты,
 Азия,
Синие глаза!

Старик

Старик не мог сидеть спокойно,
Все по перрону он бродил.
И в такт его шагам

достоинo

Звенела «Слава» на груди.
Он поражался беспрестанно
Толкучке,

дикторским словам,

Он все смотрел за полустанок
Вослед гремящим поездам
И восклицал:

— Гляди — махина!

А крепостной изобретал... —

Пришел встречать со службы сына,

А словно целый мир встречал.

Как будто внове было лето,

Кiosки,

очередь у касс...

О, мне бы удивленье это

На каждый день,

На каждый час!

Все принимать вокруг с волнением,

Всему дивиться наяву

И умереть —

от изумленья,

Узнав, как долго я живу!

* * *

Мать вечерами сушит сухари.
Так, между делом: не бросать же корки.
Над печью

розоватый от зари

Дымок струится сладковато-горький.
Хрупки, легки кусочки на весу.
А мать молчит и вспоминает детство:
То лебеду, то из крапивы суп —
Все,

что с войны не берегла в наследство,
Все то, что назначалось не нам:
От первой боли до морщин немилых...
Хорошее оставив сыновьям,
Всю горечь сердце мамы отцедило.
Болят глаза, не прочитать газет.
Куда там...
До политики ли маме?!
Но слышу я, как по утрам сосед
О Чили спорит с нею

и Вьетнаме.

Потом о внуках будут говорить:
«Не бедовать бы им, коль что случится.
Давно война к нам в двери не стучится.
Дай бог, не пригодятся сухари».

Письмо

Занавесив окно спним ситцем,
Помолившись на божий престол,
Сядет снова соседка Таисья —
Тетя Тася —

за крашеный стол.

Ей листочки измятые править,
На корявую ручку ворчать,
Уходить в поседевшую память,
Подобнее слова выбирать.

Все обскажет:

Про внучку Наташу,

Про погоду,

про цены,

про сны...

Напоследок добавит просяще:

«Возвращайся, сыночек, с войны!

Как в гремучем твоём Сталинграде?

Может, с теплым посылка нужна?..»

Постоит,

повздыхает в ограде

И направится к почте она.

Будет гладить конвертик в сторонке,

Словно что-то забыла сказать.

Будут снова на почте девчонки

Отводить виновато глаза.

Не откажут ей.

Примут посланье

И положат к ненужным листкам.

Но опять в затаенном рыданье

Задрожит у дежурной рука.

* * *

Ночь густа от песен соловьиных.
Над рекой полыни аромат.
Молодые маки у тропинок,
Запрокинув головы,
Стоят.
Лунный май.
Во снах сыны лепечут,
Пахнут их ладошки молоком.
Женщины у стареньких крылечек
Ожидают молча муженьков.
Пусть позднечко —
Не к чужим,
 домой ведь.
Не со зла —
 с усталости грубит...
Все уходит.
Все опять приходит.
День не только тучками рябит.
Оттого, наверное,
 так мудро
Бабки улыбаться нам смогли:
«Жизнь была,
Была, как ночь...
Была, как утро...
Мы любовь и в старость пронесли».

* * *

Ах, как ладно меня женили!
«Златовласой» зовет ее мать.
И не руки у ней,

а крылья,

Чтоб под солнцем меня обнимать
Да обвить золотыми косами
Непутевого и небритого,
Столько раз едавшего досыта,
Никогда не бывавшего сытым.
Ради ласкового богатства
Отшатнусь от шальных друзей,
Только б ноченьку миловаться,
День-деньской обниматься с ней.
Пса поставлю под сытой крышей,
Разведу во дворе утят.
Боевых, оглушительно рыжих
Напридумаю пацанят.

Скажут:

«Папка, расскажь, как плавал
На скрипучих седых баржах,
Как ходил с косарями в травы,
На высоких стогах лежал,
Как бродяжничал.

Зимы, вёсны

Не жалел и не ждал тепла...
И какая-токая песня
В тещин дом тебя завела?
Помнишь, как на Оби
С изыскателями
Песни пел, целовал волну?..»
Дорогие мои приятели,
Украдите мою жену!

* * *

Взвились и смолкли трели над рябиной.
Молчания никак не превозмочь.
И женщину с чужим седым мужчиной
Не выдала взволнованная ночь.
Погладила встревоженные плечи,
Коснулась остывающих волос.
Дыхание немой горячей речи
Из темных комнат ветер не унес.
Но зря окно распахивали позже,
Таращились на зорьку сыновья:
— Ты видишь?
— Где он?
— Слышишь?
— Отчего же
Не расслышать сегодня соловья?
Уселись на окошке, косолапы,
Обшарили глазами небосвод..
— Наверно, он соскучился без папы..
А знаешь, как при папе он поет! —
Туман глотали маки в огороде,
Студили шеи тонкие свои.
Заря прошла.
Должно быть, к непогоде
Все утро промолчали соловьи.

Галка

Галке не носят цветов и дарёнок.
Галка одна в тихом доме живет.
Так...

забредет один...

забубенный...

Галка его, словно праздника, ждет.
Были ребята,

цветы,

веселины...

Вызнала цену своим женихам:
Вдруг родила синеглазого сына,
И женихи с шепотком по углам.
Галка горюет.

Галка хохочет.

Галка ругает Ванятку, любя:

«Что ты наделал со мною, сыночек,
Сыночек?»

Что бы

по-

де-

лы-

ва-

ла

Без тебя?!

Надо ж:

опять не стучит запоздало,

Где-то гуляет горюн-чернобыл...
Как бы одна без тебя куковала?
Чьей бы улыбкой торжествовала?
Все отобрал ты
И все возвратил!

Слепой дождь

Опять жарю воздух слеплен.
Но ненадолго,
 подожди —
И вот уже от солнца слепнут,
На землю падают дожди.
И в каждой капле
 к елям,
 к соснам,
К полям, озябнувшим во мгле,
Несется маленькое солнце,
Чтоб все созрело на земле.

Подсолнух

В мире, ожиданья полным,
Он под солнцем.

Он подсолнух!

Посмотрите, он каков:

В холода, дожди и ветры

Только к свету,

к свету,

к свету

Все воскрылья лепестков!

Как поэт мятежный душу,

Призван слушать,

слушать,

слушать

Солнца жаркого толчки.

Пусть однажды,

как несчастье,

В миг пронзительный зачатья

Почернеют вдруг зрачки, —

Есть ведь помыслов свершенья!

Я за акт самосожженья,

Только был бы путь таков:

Сквозь снега,

дожди и ветры,

Неудачи и наветы,

Только к свету,

к свету,

к свету

Все раскрылня стихов!

* * *

Притушу свою грусть.
Пригублю сигарету.
Станет снова осинка в окно лепетать.
Бормотаньем дождя,
Причитанием ветра
Разве лето уходит?
Уходят лета.
Все по-прежнему будто.

Обветрены доли.
Звезды росны и пахнут хлебами полей.
И надежды свежи,
как рассвет над Тоболом,
И уверенность в важности будущих дней.
Только осенью резче весь мир обозначен —
Вся мгновенность и неповторимость земли.
Не волнуют подолгу сегодня удачи,
Если в небе курлычут мои журавли.
Приоткрою окно,
Пригублю сигарету.
Буду чутко за небом следить в тишине.
И опять прогляжу,
как в запеве рассвета
Невозвратно изменится что-то во мне.

Баллада о надежде

Саше

Он с детства представлялся мне иначе —
Товарищ мой

и главный мой герой.

Впервые чутко звуки ловит мальчик,
Слова в ушах рокочут,
как приборой.

И скрип двери,
и хохоточек детский,
И шорохи шагов,
и чей-то вскрик...

И вот однажды вздрагивает сердце,
Слагая все услышанное в стих.
Мир прорастает яркими словами.
У мальчика счастливая звезда...
Я знал его, как собственную память,
И лишь судьбы его не угадал.

Он падал в пустоту.
Ломались крылья,
Глох рокот самолета за спиной,
И медленные стены восходили,
И пахло горьковатой белпзной.
Сквозь пелену рассвета или ночи
Вдруг проникал профессорский басок...
— Сержант...

при исполнении...

позвоночник...

Разрыв спинного мозга...

не ходок...—

Палата.

Был все злее, обреченней
Взгляд в спневу окна.

День от дня,
Распятый на растяжках
по наклонной,
В окне встречал он иногда меня.
Я пристальное чувствовал вниманье.
Вот так в тайге,
от дома далеко,
Вдруг на щеке почувствуешь дыханье.
Оглянешься —
а рядом никого.

Искал героев.
На таежных трассах
От слов грузнела школьная тетрадь,
А он лежал,
угрюмел с каждым часом,
Герой ли, друг —
еще нельзя понять.

Что там за неподвижными зрачками?
Сквозь злость и боль измученной души,
Как птица с перебитыми крылами,
В зрачках трепещет:
Мне не стоит жить!
У жалости стоять на пядивенья!
Нет!

К черту все!
Треск распорол бинты.
И вздрогнул потолок,
придя в круженье...

По простыне кровавые цветы..
Сквозь забытье
В безвременном пространстве
Почудилось ему в какой-то миг,
Как истунленно кто-то,
наклоняясь,

Шептал слова.
И шепот был, как крик,

О вере в силы
И о том, что могут
Неверны быть диагнозы врачей.
О мужестве
и о надежде новой
Шел шепот, проникавший до костей.

Вот дом.

Такой далекий после службы.

Приемник,

полка,

стопка книг на ней.

Сквозь забытьё, похожее на ужас,
Мучительно искал и звал друзей.
Был новый день на пройденный похожий.
Шумел недостижимо за окном.

Прохожие...

Как много вас, прохожих!

Но кто заглянет первым в этот дом?

Каким он будет,

первый тот пришелец?

Поможет ли поверить в чудеса?

И вглядывались долго в мир с постели
Страданьем опаленные глаза.

...И где-то рядом

робкими шагами,

По капле проверяя чувства вновь,

С внимательными темными глазами

К нему навстречу шла уже любовь.

Ах, Валентина,

нна,

нна,

нна...

Добрее есть ли имя у любви?

Протяжное,

как грустный зов любимой:

Стоскуешься —

негромко позови.

Она придет — встревоженная память.

Но высохнет внезапная слеза.

Она обнимет теплыми руками,

Всего его

вберет

в свои глаза.

В них так просторно,

так пьяняще чисто,

Не слышно даже, сердце как стучит...

Он выдержит!

Он должен встать, неистов!

Любовь сильнее диагнозов, врачи!

Мой друг мечтал упрямо о газете,

Поездках,

Где узнаешь, почему

Над тундрою свистит арканом ветер,

Олений рог распарывает тьму...

Как ночью воют буровые вышки,

Откуда сила песенной строки

И почему,

испив воды иртышской,

Пьянест путник, выйдя из тайги.

Раз так — писать!

Писать, пока есть силы,

О боли забывая,

о ногах...

И заревое творчество всходило

И голубело в Сашкиных глазах.

Глаза в глаза.

Рука.

— Ну, здравствуй, Саня! —

Знакомство?

Встреча — вроде бы — верней.

— Ты знаешь, говорят, что я не встану...

Ты знаешь, сколько нас, таких парней?

Лежат они,

безмолвием пугая.

Им безразлично:

жить иль умирать.

Глаза их ни-че-го не выражают.

Мне страшно было.

Можешь ты понять?

Без костылей зайти б молодцевато

И криком потревожить этажи,

Чтоб рухнуло молчание:

«Ребята!

Я был как вы,

От нас зависит жизнь!»

Как хочется сегодня быть здоровым.

Мне самому уверенность нужна...

Есть, правда, друг и верный, и суровый:

Есть Валя.

— Медсестра?

— Теперь жена.

Мы с ним ругались.

Каждый день я клялся

И говорил, что больше не приду.

И снова каждый вечер возвращался,

Чтоб отвести отчаянья беду.

Я видел, как становится он старше.

Все больше проникается мечтой.

— Ты встанешь! Знаю!

Слышишь? Встанешь, Саша!

Отбрось нитье и будь самим собой.

Нам без надежды,

Как побегам в мае

Без солнечного теплого луча. —

Потом:

— Ты знаешь, Саша, уезжаю... —
Я писем от него не получал.
С оказией врывались раз за разом
О друге вести добры и легки:
Готовит книгу первую рассказов,
В журналах публикуются стихи.
«А ходит?»

«Да.

На костыли лишь злится.

Боль адская, должно быть,

но молчит.

Однажды он приехал в ту больницу,
Где не смогли поднять его врачи.
Шел к главврачу брать интервью,
Не охнув,
Лишь пот стекал вдоль белых жестких скул.
Медсестры застывали возле окон
Немые, как почетный караул.
Искал тебя:

куда запропастился?

Ты, вспоминал, душой ему помог...»

Ах, Сашка, Сашка, —

своего добился!..

Но как же так —

он смог, а я не смог?

Да как же так —

мы шли к одним высотам.

Моложе я.

Но дело не в годах.

Полкрая облетал я в самолетах

И полстраны объездил в поездах.

Я видел зло.

Я знаю мудрость ласки.

Я слышал боль, когда тоскует мать.

Мне тайны доверяли без опаски,
Чтоб лучше мог я Родину понять.
Профессий мной освоено немало,
Друзьям всегда был предан я душой.
И все же мне чего-то не хватало,
Чтоб стать сильнее,
Чтоб стать самим собой.
Мотался по аулам в Казахстане.
Загуливал,

кому-то подражал...

Все чаще непонятное отчаянье
Входило в сердце.

Маялась душа.

Я чувствовал уже, что отвыкаю
От ремесла.

А это ль не беда?!

Не стоит жить, бесплодые ощущая...

Но в горький час раздумий, иногда
Лицо всплывало вдруг,

как будто в окна

Дохнет негромкой свежестью гроза.

И что-то о надежде мне намеком

Все говорили Сашкины глаза.

О мужестве и снова о надежде.

Не понимая, точно бы в бреду,

Я бросился в автобус,

в поезд,

прежде

Чем осознал куда. И вот иду.

Шаг все быстрее.

Вот уж угол дома.

Мне стыдно,

хорошо мне в эту ночь:

Иду сегодня к сильному больному,

Есть друг,

который сможет мне помочь!

Капитан

Капитану Н. П. Лукину

Позвонил капитан:

Мол, проездом — на Омск и обратно.

Это мой капитан,

Тот, с которым ходил я когда-то.

— Как живешь? — он сказал. —

Еду поездом мимо случайно.

По Оби, — он сказал, —

Не хотел бы со мною отчалить?

Слышишь шумный перрон?

Вот уже нам дают отправление... —

Онемел телефон.

Растерявшись, сижу без движенья.

Сколько лет, сколько зим!

В кумачовом взволнованном мае

Пеужели мы с ним

Первый груз нефтяной принимали?

Мы вели караван

От Юганских обветренных вышек.

Капитан, капитан,

Рулевой-то я был некудышный.

Знал капризы реки,

И штурвал не юлил под руками,

Да мешали стихи —

Я шентал их на вахте ночами.

Много минуло дней.

Все же правильным вышел я курсом,

И, как равному, мне

Вы звоните,

А знали безусым.

Позвонил капитан.

Ну, и что же, казалось, такого?

Сиротливый причал,

вой сирены,

бессонница снова...

Первый мой капитан.

* * *

От наших лет нам никуда не деться.
Но вот однажды

в улочке

сквозь дождь

Услышишь песню.

И проснется детство,

Как будто в школу снова ты зайдешь.

Потом повеет юностью.

И будут

Звучать тревожно ритмы прежних дней...

Смеются и грустят седые люди,

А песня все слышней,

слышней...

Наследство

Деда были небогаты:
Долото, кисет, сума...
Деда были бородаты,
Возводили терема.
Рядом храм вставал. Надолго, —
Чтоб душа была светла.
...По Тоболу, по-над Волгой
Золотые купола,
Словно добрые ладони,
В небе — видишь? посмотри —
Держат солнышко в полоне
От зари и до зари.
Я вошел под своды храма,
Как в межвременья вокзал.
Фрески, лики в темных рамах,
Позабытые глаза...
Мир знакомый,
Мир нездешний
Негасимой болью жгуч.
Меж грядущим и прошедшим

Мостик

призрачный, как луч.
Всеязыко и понятно
Всем в любые времена.
Деда были небогаты.
Только в том ли их вина,
Что тряпья не накопили?
По наивности святой
Все наследство уместили
В песню,
В терем,
В Шар Земной!

* * *

Девчонку полонили за Непрядвой.

К шатру пригнав

под цыканье кнута,

Ожег ордынец ястребиным взглядом

И хану на веселье отдал.

Девичьи песни стали так печальны

В дыму костров,

когда закат горел...

Потом и внучку на ковры сменяли

И веком позже привезли в гарем.

Восточные полуденные страны,

Спокойная жестокость их страшна.

Но мы ль не полоняли персиянок

И не бросали в Волгу их с челна?!

Девчоночка.

Живет в моей эпохе.

Дрожит ее смятенная душа.

Мужское улюлюканье и хохот

Из тьмы веков

звучат еще в ушах.

Загар костров лежит еще на лицах.

Тревожны вздохи бабок.

Потому,

Как зла,

Мужчины девочка боится,

Как к богу,

Робко тянется к нему

И не поймет в смятенье и тревоге,

Что боль противоречий в ней самой,

Она одна родник с живой водой —

Иссякнет он,

И вымрут даже боги.

Алла

Есть в этом имени такое,
Что вздрогнешь вдруг, услышав в нем
Багряное дыханье боя
В зеленом зареве знамен.
Степь помертвела под копытами,
От боли стала степь бела.
Качается над ней, как выдох,
Как выплеск сабель,
крик

«Ал-ла-а...»

Есть в этой женщине такое,
Что, заглянув в ее глаза,
Я слышу долгий запах хвои
И звон, наполнивший леса.
А над тоскою полонянок
Колокола, колокола..
Какая русая волжанка
Ее прабабкою была?
Она идет по роце звездной,
Она плывет в полон ветвей,
А удивленные березы
Дорогу уступают ей.
О, дерзкое крови смешенье,
Когда сквозь прошлые лета,
Как запоздавшее прозренье,
Нас осеняет красота!

* * *

От скифов еще и сарматов,
Чьи души кочевье вело,
На солнечных отчих Карпатах
Мы знали войны ремесло.
Поляне,
 древляне,
 дулебы,
Мы ведали лук и топор.
Восточной империи небо
Запомнило нас с этих пор.
Но больше всего мы любили
Свой громкий языческий дом
И степи с прохладой ковыльей,
И поле с горячим зерном.
Но выше военной победы
Ценили мы преданность жен,
Радужные руки соседа
И верность союзных племен.
По древним обычаям правим,
О ближних забота остра.
И нет в мире силы неправой,
Чтоб вытравить жажду добра.

Содержание

- 7 «Я родился на этой серьезной земле...»
- 8 «В размашистых кедрах...»
- 9 Иртыш
- 10 «Мы плывем, а с двух сторон...»
- 11 На реке
- 12 На рыбалке
- 13 Конда
- 14 Встреча на севере
- 16 Последний рейс
- 17 Тепло
- 18 «Прохладна осень нынче...»
- 19 «Вы бураном запугивать бросьте!..»
- 20 Волк
- 21 Письма из тайги
- 24 Микёля
- 26 Монолог последнего шамана
- 27 «Есть на Казыме странные места...»
- 28 Яблоки
- 29 В кинотеатре
- 30 «Сосны в синеву вырастают плотно...»
- 31 На пирсе
- 32 «Люблю горчащий дым знакомый...»
- 33 «Наследую твою любовь...»
- 34 Возвращение
- 35 Оля
- 36 Подарок
- 37 «Шубы царского меха тебе не сулю...»
- 38 «Погадай мне, кукушка, в разлуке...»

- 39 «Чем меня укорять вы смогли?..»
40 «Тропка вьется по лесу неспешная...»
41 «Зачем ты ко мне эту женщину водишь?..»
42 «За туманами кони ржут...»
43 «Что деревня...»
44 Бабка
45 «Из лозы ограда...»
46 «Мне подкову бы на счастье...»
47 «Родина. Озерные закаты...»
48 Гуслиеры
49 «Вы верите, что в деревенских колодцах...»
50 «Я к тебе приехал, Марфа...»
51 Разъезд
52 Старик
53 «Мать вечерами сушит сухари...»
54 Письмо
55 «Ночь густа от песен соловьиных...»
56 «Ах, как ладно меня женчили!..»
57 «Взвились и смолкли трели над рябиной...»
58 Галка
59 Слепой дождь
60 Подсолнух
61 Старица
62 «Притушу свою грусть...»
63 Баллада о надежде
70 «Да будет свет в твоём окне...»
71 Капитан
73 «От наших лет нам никуда не деться...»
74 Наследство
75 «Девчонку полонили за Непрядвой...»
76 Алла
77 «От скифов еще и сарматов...»

Владимир Алексеевич
Печволода

Наследство

Стихи

Редактор
С. Суша

Художник
Т. Елагина

Художественный редактор
В. Покатов

Технический редактор
Г. Бойцова

Корректоры
Н. Левина, Т. Стельмах

ИБ № 1811. Сдано в набор
13.05.80. Подписано к печати
22.07.80. А 09133. Формат
70x90/32. Гарнитура об. нов.
Печать высокая. Бумага тип.
№ 1. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л.
2,7. Тираж 10 000 экз. Заказ
№ 3598. Цена 40 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета
РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торгов-
ли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевс-
кая, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типогра-
фия

ОДНОЙ ИЗ КНИГ ЭТОЙ СЕРИИ БУДЕТ СБОРНИК МИХАИЛА ЧЕРНЫШЕВА «ШАГИ».

М. ЧЕРНЫШЕВ — ПОЭТ ИЗ САРАТОВА. ПРОФЕССИЯ ЖУРНАЛИСТА ПОМОГАЕТ ЕМУ МНОГОЕ ВИДЕТЬ, ПОЗНАТЬ И ПЕРЕЖИТЬ. КРУГ ЕГО ТЕМ ШИРОК И РАЗНООБРАЗЕН.

С ПОДЛИННЫМ ЧУВСТВОМ И БОЛЬЮ НАПИСАНЫ СТИХИ О МАТЕРИ, КОТОРАЯ ПОТЕРЯЛА МУЖА, НА СЕБЕ ИСПЫТАЛА ТЯЖКОЕ БРЕМЯ ВОЙНЫ, НО НЕ ПАЛА ДУХОМ И ВОСПИТАЛА СЫНА. НАДОЛГО ЗАПОМИНАЮТСЯ СТИХИ, ГДЕ АВТОР С ГОРЕЧЬЮ ВСПОМИНАЕТ О ТОЙ ПОРЕ, КОГДА В ХОЛОД СЖИГАЛИ КНИГИ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ.

ОТКРЫТОСТЬ И ПРЯМОТА В СУЖДЕНИЯХ, ЛИРИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ — ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСТВА САМОБЫТНОГО ПОЭТА

Первая книга в столице